

RU

Определительные местоимения “həp” и “each” как маркеры дистрибутивности в татарском и английском языках

Габитова Л. Х.

Аннотация. Цель исследования – выявление общих и специфических черт выражения дистрибутивности определительными местоимениями “each” и “həp” в английском и татарском языках. В статье представлен сопоставительный анализ семантики и функционирования определительных местоимений на базе заявленных языков. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале разноструктурных языков проведено сопоставительное исследование дистрибутивного потенциала данных единиц с привлечением корпусных данных. В рамках анализа семантики местоимений “həp” и “each” были выявлены и систематизированы основные модели их функционирования как маркеров распределительного значения. В результате исследования установлено, что при общности базовой функции исследуемые местоимения демонстрируют существенные различия в грамматическом оформлении дистрибутивности. В татарском языке дистрибутивность выражается синтетически через взаимодействие “həp” с падежной системой и аффиксом принадлежности, тогда как в английском языке “each” реализует распределительное значение преимущественно аналитически, опираясь на предлоги и другие контекстуальные усилители. Вместе с тем в обоих языках выделяются универсальные количественно-распределительные модели, а также глаголы с дистрибутивной семантикой.

EN

Defining Pronouns “həp” and “each” as markers of distributivity in Tatar and English

L. K. Gabitova

Abstract. The study aims to identify common and specific features of expressing distributivity using the defining pronouns “each” and “həp” in the English and Tatar languages. The article presents a comparative analysis of the semantics and functioning of these defining pronouns based on the specified languages. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, a comparative study of the distributive potential of these units was conducted using material from structurally different languages with the involvement of corpus data. Within the framework of the semantic analysis of the pronouns “həp” and “each”, the main models of their functioning as markers of distributive meaning were identified and systematized. The results of the study establish that while sharing a basic function, these pronouns demonstrate significant differences in the grammatical formalization of distributivity. In the Tatar language, distributivity is expressed synthetically through the interaction of “həp” with the case system and possessive affixes, whereas in English, “each” realizes distributive meaning primarily analytically, relying on prepositions and other contextual intensifiers. At the same time, universal quantitative-distributive models and verbs with distributive semantics are identified in both languages.

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами. В первых, в современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к выявлению языковых универсалий и определению границ варьирования семантических категорий. Категория дистрибутивности, отражающая особый тип множественности, занимает в этой проблематике ключевое место. В зарубежной лингвистике сформировались лексический, операторский и гибридный подходы к дистрибутивности, однако до настоящего времени сохраняется теоретическая дискуссия относительно интегративной модели ее описания, которая позволяла бы учитывать как семантические, так и грамматические механизмы оформления дистрибутивности, что создает необходимость в обращении к конкретному языковому материалу для верификации

существующих теоретических положений. Во-вторых, актуальность данной работы продиктована потребностью в сопоставительных исследованиях языков разных типов (в данном случае татарского, принадлежащего к тюркской группе, и английского, представляющего германскую группу). Выявление сходств и различий в функционировании определительных местоимений *hər* и *each* как маркеров дистрибутивности позволяет не только уточнить типологические характеристики этих языков, но и внести вклад в разработку принципов межъязыкового сопоставления семантических категорий, что особенно востребовано в рамках современной контрастивной лингвистики и лингвотипологии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- уточнить понятие дистрибутивности и степень её изученности в сопоставляемых языках;
- провести анализ функционирования татарского местоимения *hər* как средства выражения дистрибутивности;
- осуществить анализ особенностей реализации английского местоимения *each* в дистрибутивных контекстах;
- осуществить сопоставительный анализ двух единиц для выявления зон семантического пересечения и расхождений.

Материалом для исследования послужили примеры из корпуса современного американского английского языка (далее – COCA) и материалы из письменного корпуса татарского языка (далее – ПК ТЯ). Корпус современного английского языка (COCA) был выбран из-за большего объёма (около 1.1 млрд слов) по сравнению с британским национальным корпусом (BNC – 100 млн слов). Кроме того, BNC представляет английский язык 1980-х – начала 1990-х гг., COCA регулярно обновляется и охватывает период с 1990 до 2019 гг. Он лучше подходит для описания современных языковых процессов. ПКТЯ также отражает современное состояние языка, соответственно, сопоставление с COCA будет методологически более корректным.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области теории дистрибутивности в зарубежной лингвистике, посвященные систематизации ключевых подходов к дистрибутивности, исследованию дистрибутивных операторов и множественности (Champollion, 2017; 2019; Schwarzschild, 1993); выявлению лексико-семантических факторов, определяющих способность английских глаголов к дистрибутивной или недистрибутивной интерпретации (Glass, 2021); исследованию обработки дистрибутивных и коллективных прочтений в реальном времени (Dotlacil, Brasoveanu, 2021); разработке единой семантической теории универсальных кванторов, объясняющей корреляцию между числом существительного и дистрибутивностью (Haslinger, Hien, Rosina, 2025). Важное значение имеют труды в области грамматики татарского языка и теории способов глагольного действия в тюркских языках (Ганиев, 2000; Харисова, 2014; Татарская грамматика, 2016), а также сопоставительные исследования, выполненные на материале татарского языка (Лутфуллина, 2004), в которых рассматриваются категории глагольной аспектуальности и средства выражения результативности и кратности, имплицитно связанные с дистрибутивной семантикой.

Для проведения сопоставительного исследования в данной работе применяются корпусный метод, направленный на получение объективных данных о реальном функционировании языка; метод семантического анализа, необходимый для дифференцирования оттенков значений; с помощью контекстуально-ситуативного анализа удастся проследить за особенностями реализации данных значений в речи, а количественный анализ позволяет выявить наиболее частотные модели их употребления.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью внедрения ее положений в практику преподавания татарского и английского языков. Выводы и материалы исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов и семинарских занятий по теоретической грамматике, лексикологии, теории и практике перевода.

Обсуждение и результаты

Дистрибутивность – это явление, при котором действие, приписываемое группе (множеству), относится к каждому члену этой группы или к их подгруппам (Champollion, 2019, p. 290). В западном языкознании сложилось два подхода к пониманию теории дистрибутивности: лексический и операторский. Согласно лексическому подходу Р. Ша (R. Scha), дистрибутивность определяется лексическим значением предиката и нашими знаниями о мире (Vries, 2017, p. 174). Данное направление получает развитие в работе Л. Гласс (Glass, 2021), где на материале более тысячи английских предикатов выявляются лексико-семантические факторы (каузативность, ментальность, переходность), определяющие способность глагола к дистрибутивной или недистрибутивной интерпретации.

Основоположником операторского подхода считается Г. Линк (G. Link). Он ввёл понятие *скрытого оператора D* (Distributivity Operator), сходного по функции с явным кванторным словом *each*, который обеспечивает дистрибутивное прочтение предложений (Vries, 2017, p. 175). П. Лазерсон, Р. Шварцшильд развили идеи Г. Линка, исследовав дистрибутивные операторы, множественность, коллективные и дистрибутивные предикаты (Schwarzschild, 1993).

Большинство современных исследователей (Champollion, 2017; Dotlacil, Brasoveanu, 2021; Coppock, 2022) занимают промежуточную позицию, так называемый гибридный подход. Для простых предложений используется лексический механизм, дистрибутивность заложена в само значение глагола. Для сложных случаев, где контекст

может менять значение, работает «скрытый оператор». Данные механизмы не исключают, а дополняют друг друга. В работах Л. Шампольон (Champollion, 2017; 2019) систематизируются ключевые подходы к дистрибутивности, её основные типы, разграничиваются лексическая и фразовая варианты, коллективные и кумулятивные прочтения, а также обсуждаются типологические закономерности выражения в разноструктурных языках.

В татарском языкознании категория дистрибутивности до настоящего времени не являлась предметом специального исследования. Отдельные аспекты, связанные со способами глагольного действия, находят отражение в трудах Ф. А. Ганиева (2000, с. 83-96), который ввел понятие «үтәлү ысулын белдерү категориясе» (категория способов совершения действия). Ученый подчеркивал роль контекста и лексической семантики глагола при выделении аспектуальных значений, предлагая классификацию из восьми групп: начинательность, направленность, длительность, многократность, частичное развитие действия, внезапность, результативность и завершенность. Вслед за Ф. А. Ганиевым Ч. М. Харисова (2014, с. 96) рассматривает те же способы действия (фигьләр дәрежәсе), отмечая их универсальный характер и способность функционировать в большинстве глагольных форм. Примечательно, что в их классификациях дистрибутивный способ действия отдельно не выделяется.

Определенный интерес представляет трактовка дистрибутивной семантики в академическом издании «Татарская грамматика» под редакцией М. З. Закиева. Хотя сам термин «дистрибутивный способ действия» здесь не используется, описываются явления, близкие к нему по содержанию. В частности, в рамках результативного способа действия рассматриваются процессы, охватывающие несколько объектов или всю поверхность предмета (Татарская грамматика, 2016, с. 293-294). Однако такая характеристика отражает лишь объектный тип дистрибутивности. Между тем в современной лингвистике дистрибутивный способ действия понимается более широко и включает также субъектный и субъектно-объектный типы, что позволяет говорить о необходимости дальнейшего изучения данной категории на материале татарского языка.

Материалом для анализа послужили конструкции с *each* и *hər* в форме прошедшего времени (*Past Simple* в английском языке и *билгеле үткән заман* (определенное прошедшее время) в татарском). Выбор временной формы обусловлен тем, что дистрибутивная семантика наиболее отчетливо реализуется в контексте завершенного, результативного действия. Будучи перфективными формами в утвердительных предложениях, *Past Simple* и *билгеле үткән заман* обозначают конкретные, целостные события, что позволяет четко определить границы действия.

Согласно Кембриджскому словарю английского языка, *each* – это местоимение, которое обозначает каждый предмет, каждое лицо и т. д. в группе из двух или более, рассматриваемых по отдельности (Cambridge Dictionary). Толковый словарь английского языка Collins Dictionary также определяет *each* как местоимение, которое рассматривает все элементы множества индивидуально, обозначение распространяется на всех членов группы, однако каждый из них мыслится как отдельная, самостоятельная единица.

С теоретической точки зрения, *each* является явным маркером дистрибутивности в английском языке. Если операторные подходы (Link, Champollion) постулируют существование невидимого D-оператора, то *each* – это его воплощение. Основная функция *each* заключается в том, чтобы гарантировать, что действие или состояние, выраженное предикатом, применяется к каждому члену множества по отдельности, исключая коллективную или групповую интерпретации.

На материале **английского языка** корпусный анализ COCA позволил выявить 36 910 предложений с конструкцией “*each* + Noun + V-ed”. На материале случайной выборки объемом 100 примеров было установлено, что дистрибутивная семантика реализуется в 42 случаях (Таблица 1).

Активный залог. Анализ выявленных примеров демонстрирует, что местоимение *each* может занимать различные синтаксические позиции, сохраняя при этом свое дистрибутивное значение:

1. «*Each* + сущ. в ед. ч.» входит в именную группу субъекта. Пропозиция как самая частотная позиция предполагает, что *each* стоит непосредственно перед существительным в единственном числе, но сам контекст подразумевает множество объектов или субъектов: ***Each runner*** received a medal, jersey, and gift bag (Silva C. The Men and Women Who Run Marathons in War Zones (COCA)). / *Каждый участник забега получил медаль, футболку и подарочный набор* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Л. Г.).

2. Местоимение *each* выступает независимо от именной группы, связанной с глаголом отношениями управления, и располагается в постпозиции к ней: Robinson gave ***them each*** \$100 to get something to eat (Weingarten C. The Sequence: The Funked-Up Legacy of Hip-Hop's First Ladies (COCA)). / *Робинсон дал каждому из них по 100 долларов, чтобы они могли купить что-нибудь поесть*. Здесь *them* – это множество, а *each* дистрибутирует действие «дать по 100\$» на каждого из них.

3. Маркер *each* стоит после прямого дополнения, часто в конце предложения, уточняя, как именно осуществляется распределение по косвенным объектам: *Their mother gave **two quarters to each child** as a treat* (Fan Fic: Wanna Balloon (COCA)). / *Мама дала по два четвертака каждому ребёнку*.

Данное местоимение выполняет две функции: 1) репрезентирует дистрибутивность как облигаторный маркер; 2) акцентирует уже выраженное значение.

В 76% случаев маркер *each* является облигаторным, без которого дистрибутивное прочтение теряется: *He looked in **each window** of the van* (Baumgartner M. The Last of the Icemen (COCA)). / *Он заглянул в каждое окно фургона*. Без *each* фраза могла бы означать просто направленность взгляда в сторону окон. *Each* заставляет интерпретировать данное действие как последовательное заглядывание в каждое окно.

В 24% случаев из рассмотренных примеров местоимение *each* является усилителем значения распределения или интенсификатором. Дистрибутивность определяется значением глагола, контекстом или наличием других маркеров дистрибутивности: *The mate then went through and **identified each fish** of our catch* (White

A. The Experience of Shrimping in Georgia (COCA)). / *Затем помощник капитана просмотрел весь улов и определил вид каждой рыбы.* Глагол *to identify* (идентифицировать, распознать) в сочетании с *each* подчеркивает, что действие было индивидуальным. Однако и без *each* предложение читается как дистрибутивное. Глагол описывает действие, которое по своей природе осуществляется индивидуально: ***Each man designed his own interface*** (Wright J. The architect of aeons (COCA)). / *Каждый мужчина разработал свой собственный интерфейс.* В данном примере дистрибутивность создается сочетанием *each* и конструкцией «притяжательное местоимение *his* (его) + прилагательное *own* (собственный)».

Были также выявлены количественно-распределительные конструкции с именами числительными. Дистрибутивность создается указанием на точное количество, приходящееся на каждый элемент множества. Модели: *one X from each Y*, *X for each Y*, *X per Y*, *X to each Y*. Примеры: *I had three fields for each team* (Petti B. Slowly Back Away from the Pythag Expectation (COCA)). / *У меня было по три поля для каждой команды.* *Faculty in chemistry, biology and mathematics published twice in exactly one journal per each discipline* (Wical S., Vandenbark R. Combining Citation Studies and Usage Statistics to Build a Stronger Collection (COCA)). / *Преподаватели химии, биологии и математики опубликовались дважды ровно в одном журнале по каждой дисциплине.* *We had three coolies to each chair* (Bly N. Around the World in Seventy-Two Days (COCA)). / *У нас было по три носильщика на каждое кресло.*

Пассивный залог. В пассивных конструкциях дистрибутивность выражена слабо (12%). В конструкциях с предикатом в форме множественного числа *were* дистрибутивность реализуется выше, чем с формой единственного числа *was* (17% против 9%). Это связано с тем, что в данных конструкциях *each* находится в субъектной группе, и тем самым происходит распределение действий по множеству получателей/мест: ***Each probe was evaluated for its efficiency and potential off-target effects*** (Kondylis V., Tang Y. Identification of ER Proteins Involved in the Functional Organisation of the Early Secretory Pathway in Drosophila Cells by a Targeted RNAi Screen (COCA)). / *Каждый зонд проверили на эффективность и возможные побочные эффекты.*

Таблица 1. Частотность конструкций дистрибуции в пропозиции “each + Noun + V-ed” в английском языке

Модель	Частотность в корпусе	Встречаемость в выборке (из 100)	Доля в выборке
Past Simple (активный залог)			
each N + V-ed	36910	42	42%
Past Simple (пассивный залог)			
was V3/ed	11156	9	9%
were V3/ed	5623	17	17%
was / were V3/ed	16779	12	12%

Таким образом, можно сказать, что местоимение *each* является ядерным маркером дистрибутивности. В подавляющем большинстве примеров он используется для того, чтобы репрезентировать делимость группы на составляющие компоненты и присвоить действие предиката каждому из них. Синтаксическая позиция вариативна, но семантика неизменна.

Дистрибутивность в пассивном залоге сохраняется только тогда, когда контекст явно указывает на индивидуальную обработку каждого элемента множества (часто в научных описаниях или при пространственном распределении).

В татарском языке аналогом *each* является определительное местоимение *һәр*, указывающее на предметы и явления по отдельности (ТС ТЯ).

Корпусный анализ (ПК ТЯ) выявил 13 924 предложения с конструкцией «*һәр* + форма прошедшего определённого времени / билгеле үткән заман (-ды/-де, -ты/-те)».

Доминирующая модель «*һәр* + N + V-де», включающая предикат с аффиксом -де, является наиболее частотной, встречаясь в 60% случаев. Общая частотность в корпусе (4 923) также подтверждает ее регулярность, поэтому на ее основе мы и будем проводить дальнейший анализ.

Анализ примеров выявил, что в татарском языке дистрибутив с *һәр* строится по модели «*һәр* + [существительное в ед. ч. + падеж, соответствующий роли элемента] + [глагол, семантика которого требует завершённого действия]». Падеж существительного при маркере *һәр* определяется синтаксической ролью распределяемого множества. На основе анализа данной конструкции мы выявили следующие базовые модели.

Базовая модель һәр + N + V-де и её варианты:

1. *һәр* + [сущ. в направительном падеже -га/-гә, -ка/-кә] + [глагол] ≈19.
2. *из них* *һәр* + [сущ. в направительном падеже] + [колич. или разделит. числит.] + [глагол] ≈5.
3. *һәр* + [сущ. в именительном падеже] + [глагол] ≈15.
4. *һәр* + [сущ. в винительном падеже -ны/-не] + [глагол] ≈12.
5. *һәр* + [сущ. в исходном падеже -дан/-дән, -нан/-нән, -тан/тән] + [глагол] ≈8.
6. *һәр* + [сущ. в местно-временном падеже -да/-дә, -та/-тә] + [глагол] ≈6.

1. Модель с направительным падежом: һәр + [N-га/-гә, -ка/-кә] + V-де

Данная конструкция описывает ситуацию, где действие направлено на каждый объект или распространяется на каждого адресата в отдельности. Направительный падеж указывает на цель, получателя или место приложения действия: *Арслангали ... һәр хужалыкка күпме тамыр жыярга план житкерде* (Каюмова Д. Урланган бәхет (ПК ТЯ)). / *Арслангали довел до каждого хозяйства план, сколько корнеплодов нужно собрать.*

Һәр артистның өенә барды, үетләде (Газиз Р. Кичер, кичерә алсаң... (ПК ТЯ)). / Он обошел всех артистов по домам, агитировал. В 7 из 14 примеров существительное в дательном падеже имеет аффикс принадлежности -ына/-енә.

Принадлежность (тартым) – это грамматическая категория, выражающая отношение принадлежности предмета к лицу или другому предмету в татарском языке (Харисова, 2014, с. 69). Конструкция часто используется, когда объект, на который направлено действие, является неотъемлемой частью или принадлежит кому-то (*Һәр артистның өенә – в каждый дом артиста*).

Һәр колхозга аерым - аерым план *житкерелде* (Нуруллин В. Күпер чыкканда (ПК ТЯ)). / Каждому колхозу был доведен отдельный план. 3 примера содержат пассивные конструкции.

2. Модель с направительным падежом: **һәр + [N-га/-гә, -ка/-кә] + [Num (-ар/-әр)] + V-де**

Это усиленная дистрибутивная конструкция указывает и на охват (каждый), и на порцию (по сколько). Чаще всего встречается с числительным *бер, берәр / один* в направительном или исходном падеже (*һәр + <n> + бер* <num> + <n> + *де<v> – 42 вхождений*): ... **Һәр таифәгә бер** галимне күндерде (Насыри К. Сайланма әсәрләр (ПК ТЯ)). / К каждому племени (общине) приставили одного ученого.

3. Модель с именительным падежом: **һәр + [N в Им.п.] + V-де**

В данной конструкции существительное с маркером *һәр* выполняет функцию подлежащего. Семантика распределения здесь иная, чем в объектных конструкциях: действие исходит от каждого субъекта или свойственно каждому субъекту. Можно выделить два основных семантических типа:

- каждый субъект является активным деятелем. Это субъектный дистрибутив: **Һәр кеше** күрдә (Насыри К. Сайланма әсәрләр (ПК ТЯ)). / Каждый человек увидел;
- каждый субъект является объектом пассивного действия. Эти конструкции выражают объектный дистрибутив. В данной выборке преобладают пассивные конструкции (53% – 8 предложений из 15), где существительное в именительном падеже имеет также аффикс принадлежности (-е/-ы).

Принадлежность (формы 3 лица) часто сопровождает *һәр*, выражая отношение к лицу или другому предмету: *Аның һәр таләбе, һәр күрсәтмәсе жиренә житкереп үтәлде* (Тимергалин А. Фәтхулла хәзрәтләре (ПК ТЯ)). / Каждое его требование, каждое указание выполнили в полной мере.

4. Модель с винительным падежом: **һәр + [N-ны/-не] + V-де**

Данная конструкция представляет собой классический объектный дистрибутив. Существительное в винительном падеже с маркером *һәр* является прямым объектом, на который направлено действие. Субъект воздействует на каждый элемент множества по отдельности: ... *Кафил үзенә тапшырылган һәр эшнә жиренә житкереп үтәде* (Мәхмүди З. Жен тыкырыгы (ПК ТЯ)). / Кафил добросовестно выполнил каждое порученное ему дело.

В 3 из 12 примеров существительное имеет аффикс принадлежности -ын/-ен, который сочетается с притяжательным падежом, создавая двойную падежную связь (*һәр йортның ишеген – дверь каждого дома*): **Һәр йортның ишеген** шакып керде (Каштанов Н. Бөркеткә сәлам әйтегез: хикәяләр (ПК ТЯ)). / Он заходил в каждый дом, постучав в дверь.

В данной группе нет конструкций с пассивным залогом. Все 12 примеров имеют явный субъект, совершающий действие над каждым объектом множества.

5. Модель с исходным падежом: **һәр + [N-дан/-дән, тан/ тән] + V-де**

Исходный падеж в татарском языке указывает на точку отправления, источник, причину или объект, из которого что-то извлекается. В сочетании с *һәр* эта конструкция приобретает дистрибутивное значение. Действие исходит из каждого источника, направлено от каждого объекта или извлекается из каждого элемента: **Һәр ишектән** сәрде угълыңны мэхәббәт сакчысы (Тукай Г. Сайланма әсәрләр (ПК ТЯ)). / Страж любви гнал твоего сына от каждой двери.

В 4 из 8 примеров существительное имеет аффикс принадлежности -нан/-нән: **Һәр халкыннан бер кеше** килеп салам бирде (Насыри К. Сайланма әсәрләр (ПК ТЯ)). / От каждого народа прибыл один человек и засвидетельствовал свое почтение.

В данной группе нет пассивных предложений. Все 8 примеров в активном залоге.

6. Модель с местно-временным падежом: **һәр + [N-да/-дә, -та/-тә] + V-де**

Местно-временной падеж в татарском языке указывает на место или время совершения действия. В сочетании с *һәр* эта конструкция приобретает дистрибутивно-локативное значение, действие происходит в каждой точке, каждом месте: *М. Хабибуллин һәр эштә үтә җаваплылык хисе тоеп эшләде* (Мөхәммәтшин Г. Балтач энциклопедиясе (ПК ТЯ)). / М. Хабибуллин каждое дело выполнил с огромным чувством ответственности.

Среди всех рассмотренных конструкций местно-временной падеж демонстрирует самый низкий процент существительных с аффиксом принадлежности -ында/ендә (1 пример из 6), что объясняется семантикой. Они описывают внешнюю среду, а не принадлежащие кому-то объекты.

Пассивные конструкции составляют 2 примера из 6: ... **Һәр авылда** мәчетләребез төзелде (Миначев М. Авылларга барган идем... (ПК ТЯ)). / В каждой деревне были построены мечети.

Высокой частотностью отличается конструкция с направительным падежом (32%), в которых наличие аффикса принадлежности (50%) указывает на персонификацию адресата. Именительный падеж лидирует среди пассивных конструкций (53%), представляя субъект в каком-либо состоянии. Винительный падеж образует ядерный объектный дистрибутив с наиболее прозрачной семантикой распределения. Исходный и местно-временной падежи встречаются реже и маркируют дистрибутивно-локативные отношения.

Таблица 2. Сводная таблица падежных и предложных соответствий в дистрибутивных конструкциях

Татарский падеж	Английский предлог	Дистрибутивное значение	Пример перевода
Именительный	-	Субъектный или объектный (пассив) дистрибутив	här kеше күрде / each person saw / каждый человек увидел
Направительный -га/-гә, -ка/-кә	to, for	направление к адресату	här хужалыкка / to each household / каждому хозяйству
Направительный + числительное -га/-гә, -ка/-кә + -ар/-әр	to/for + per	каждому по порции	här кабиләгә бер галим / one scholar for each tribe / по одному ученому на каждое племя
Винительный -ны/-не	-	объектный дистрибутив	här эшне үтәде / did each task / выполнил каждое дело
Исходный -дан/-дән, -тан/-тән	from, away from	из каждого источника	här ишектән / from each door / с каждой двери
Местно-временной -да/-дә, -та/-тә	in, at, on	в каждом месте	här эштә / in each task / в каждом деле

Сопоставительный анализ падежных конструкций татарского языка с их английскими эквивалентами выявил, что в татарском языке падежная система берет на себя функцию детального кодирования того, как именно множество вовлечено в дистрибутивную ситуацию. Каждый падеж маркирует определенный тип дистрибутивных отношений: именительный падеж выделяет субъекта или объекта действия, винительный – прямой объект, направительный – адресата, исходный – источник, а местно-временной – место совершения действия. В количественно-распределительных конструкциях с числительным на *-ар/-әр* падежная форма дополняется показателем порционности, создавая усиленное дистрибутивное значение. В английском языке эти же значения передаются аналитически через комбинацию предлогов с местоимением *each* (Таблица 2).

Кроме того, в татарском языке дистрибутивность может выражаться без обязательного присутствия *här* за счет падежной морфологии и контекста, тогда как в английском *each* в 76% проанализированных примеров является необходимым маркером, без которого дистрибутивное прочтение теряется. Это свидетельствует о том, что в татарском языке дистрибутивная семантика в большей степени опирается на морфологическое кодирование, тогда как в английском ключевую роль играет лексический маркер *each* и предложные конструкции.

Заключение

Проведенное сопоставительное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

В западном языкознании сложились два основных подхода к пониманию дистрибутивности: лексический, связывающий распределительное значение с семантикой предиката, и операторский, постулирующий наличие скрытого D-оператора, принудительно задающего дистрибутивное прочтение. В татарском языкознании категория дистрибутивности до настоящего времени не являлась предметом специального исследования; отдельные аспекты, связанные с многократностью и результативностью, рассматривались в рамках учения о способах глагольного действия.

В результате анализа функционирования татарского местоимения *här* как средства выражения дистрибутивности было выявлено, что в 77% проанализированных примеров *här* выступает необходимым маркером распределительного значения; в 23% случаев *här* выполняет функцию усилителя, поскольку дистрибутивность выражается за счёт семантики существительных и глаголов. Основная модель: «*här* + [существительное в ед. ч. + падеж] + [глагол в форме прошедшего определенного времени]». Падеж существительного при *här* кодирует синтаксическую роль распределяемого множества. Также выявлена ключевая роль аффикса принадлежности, который часто сопровождает существительные в направительном, винительном и исходном падежах, указывая на персонификацию адресата или принадлежность объекта.

Анализ функционирования английского местоимения *each* в дистрибутивных контекстах выявил, что в 76% проанализированных примеров *each* выступает необходимым маркером, без которого значение распределения утрачивается; в 24% случаев *each* выполняет функцию усилителя распределительного значения, уже заложенного в семантике глагола или контексте. Он может занимать различные синтаксические позиции. Выявлены количественно-распределительные конструкции с числительными.

Сопоставительный анализ показал, что при общности базовой дистрибутивной функции языки реализуют её принципиально разными грамматическими средствами. В английском позиция *each* и предлоги кодируют роль распределяемого множества, тогда как в татарском языке эти же значения передаются через падежную систему и аффикс принадлежности существительного при *här*. Различна и роль пассива: в английском языке пассивные конструкции с *each* демонстрируют низкую дистрибутивность (12%), тогда как в татарском пассив широко представлен и является полноценным средством оформления дистрибутивности (48%). Универсальной зоной пересечения выступают количественно-распределительные конструкции с числительными, представленные в обоих языках.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в выявлении и систематическом описании особенностей функционирования определительных местоимений *each* и *hər* как маркеров дистрибутивности в различных типах дискурса современного английского и татарского языков.

Материалы исследования | Research materials

1. ПК ТЯ – Письменный корпус татарского языка. <https://search.corpus.tatar.ru>
2. ТС ТЯ – Толковый словарь татарского языка. <https://suzlek.antat.ru/indexR.php>
3. Cambridge Dictionary – Кембриджский словарь английского языка. <https://dictionary.cambridge.org>
4. COCA – Корпус современного американского английского языка. <https://www.english-corpora.org/coca>
5. Collins Dictionary – Толковый словарь английского языка. <https://www.collinsdictionary.com>

Источники | References

1. Ганиев Ф. А. Татарский язык: проблемы и исследования. Казань: Татарское книжное изд-во, 2000.
2. Лутфулина Г. Ф. Сопоставительный анализ средств выражения способов действия кратности во французском и татарском языках: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2004.
3. Татарская грамматика: в 3 т. Изд-е 2-е, доп. / рук. проекта М. З. Закиев. Казань: Институт языка, литературы и истории, 2016. Т. 2. Морфология.
4. Харисова Ч. М. Татарский язык. Казань: Татарское книжное изд-во, 2014.
5. Champollion L. Distributivity in Formal Semantics // Annual Review of Linguistics. 2019. № 5.
6. Champollion L. Parts of a Whole: Distributivity as a Bridge Between Aspect and Measurement. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2017.
7. Coppock E. Division vs. distributivity: Is per just like each? // Semantics and Linguistic Theory. 2022. № 1. <https://doi.org/10.3765/salt.v1i0.5335>
8. Dotlacil J., Brasoveanu A. The representation and processing of distributivity and collectivity: ambiguity vs. under-specification // Glossa: a journal of general linguistics. 2021. № 6 (1).
9. Glass L. The lexical and formal semantics of distributivity // Glossa: a journal of general linguistics. 2021. № 6 (1).
10. Haslinger N., Hien A. N., Rosina E. E. A unified semantics for distributive and non-distributive universal quantifiers across languages // Nat Lang Linguist Theory. 2025. № 43. <https://doi.org/10.1007/s11049-025-09673-5>
11. Schwarzschild R. Plurals, presuppositions and the sources of distributivity // Nat Lang Seman. 1993. № 2. <https://doi.org/10.1007/bf01256743>
12. Vries H. Two kinds of distributivity // Natural Language Semantics. 2017. № 25 (2).

Информация об авторах | Author information

Габитова Лилия Хабировна¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Liliia Khabirovna Gabitova¹

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

¹ corbita@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.03.2026; опубликовано online (published online): 29.04.2026.

Ключевые слова (keywords): дистрибутивность; определительные местоимения; татарский язык; английский язык; сопоставительная лингвистика; distributivity; defining pronouns; Tatar language; English language; comparative linguistics.